

И.Е. Каплан

«Я знаю, никакой моей вины...»

Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в душе Александра Трифоновича Твардовского. И многие его послевоенные стихи посвящены войне, памяти погибших.

И через двадцать лет после окончания войны память поэта не находит успокоения, и он пишет свои грустные и совестливые стихи;

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все лее, все же, все же...

В этих шести строках все предельно просто. Нет тропов, незатейлива рифма (*вины — войны, моложе — всё же, речь — сберечь*), нет и книжных слов. Стихотворение написано живой разговорной речью, насыщенной фразеологизмами (*никакой моей вины, кто старше, кто моложе, не о том же речь; но все же*). Несовпадение смыслового и ритмического построения строк («Я знаю, никакой моей вины / В том...»; «В том, что они — кто старше, кто моложе — / Остались там...») придает стиху естественную разговорную интонацию.

В стихотворении нет пауз между строками. Это монолог автора, произнесенный на одном дыхании. Обратим внимание на емкость выражения «кто старше, кто моложе». Этими немногими словами автор сказал, что на войне погибло несколько поколений. Ее участниками были люди рождения последнего десятилетия XIX века и 20-х годов XX века — отцы, сыновья, внуки...

Стихотворение — раздумье автора о своем долге перед павшими на войне. Доводы разума («...никакой моей вины / В том, что другие не пришли с войны...») уступают беспокойной совести («...и не о том же речь... Речь не о том...»). И троекратное повторение в последней строке слов *все же* утверждает этот нравственный долг перед теми, кто «остался там».

Поэт не дал окончательного ответа, дело читателя самому поразмыслить, виновен ли автор в том, «что другие не пришли с войны».

«Это “все же...”», — делился своими мыслями о стихотворении писатель Григорий Бакланов, — не одного его сопровождало и сопровождает в послевоенной выпавшей нам жизни. Но только Твардовский смог так за всех сказать».

Незадолго до опубликования стихотворения Твардовский изменил его концовку. В верстке она выглядела так:

Речь не о том, но все же.
Что же — все же? Не знаю.
Только знаю, в дни войны
На жизнь и смерть у всех права равны.

Первая строка далеко не совершенна. Вторая и третья — не соответствуют общей тональности стихотворения, и смысл их общеизвестен и прост: «никакой моей вины» нет, так судьба распорядилась. Последняя строка окончательной редакции больше соответствует тягостному раздумью автора, она богаче своей обобщенностью, взволнованностью.